

Научная статья
УДК 81-112
doi: 10.17223/19986645/83/4

К этимологии рус. *пёрка* ‘сверло’

Ольга Валерьевна Мищенко¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, olgamishchenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена этимологии русского столярного и плотнического термина *пёрка* ‘сверло’. Анализируются имеющиеся версии происхождения слова: в связи с рус. *перо* (В.И. Даль), в связи с рус. *переть* (М. Фасмер), в связи с нем. *napper, nepper* ‘сверло’ (С.А. Мызников), – обсуждаются их преимущества и недостатки. Рассматривается возможность альтернативной этимологии, возводящей рус. *пёрка* к прибалтийско-финскому источнику – предполагаемому деривату гнезда *riõr-* с базовой семантикой вращения. Приводятся аргументы в пользу высказанной версии.

Ключевые слова: русский язык, этимология, финно-угорские языки, тюркские языки, языковые контакты

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Для цитирования: Мищенко О.В. К этимологии рус. *пёрка* ‘сверло’ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 67–83. doi: 10.17223/19986645/83/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/4

On the etymology of the Russian *pyorka* ‘drill bit’

Olga V. Mishchenko¹

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, olgamishchenko@yandex.ru

Abstract. The article considers the etymology of the Russian carpentry term *pyorka* ‘drill bit’. Existing versions of the word’s origin are analyzed: in connection with the Russian *pero* (by Vladimir Dal), in connection with the Russian *peret’* (by Max Vasmer), in connection with German *napper, nepper* ‘drill bit’ (by Sergei Myznikov). The advantages of the stated versions are discussed, as well as their disadvantages: Dal’s version is semantically impeccable, but has difficulties associated with the logic of the word-formation process; Vasmer’s version is devoid of the

latter, but in turn leaves doubts about the character of motivation; Myznikov's version – with its probability in general – leaves phonetic and structural issues. The author of the article proposes an alternative etymology. It ascribes the Russian *pyorka* to the Baltic-Finnish source – the supposed derivative of the *püör-* word family with the basic semantics of rotation. The arguments in favor of the stated version are given, primarily of a linguo-geographical and typological nature. In terms of linguo-geography, the area of fixation of the lexeme by dialect sources is mainly associated with the Russian dialects of the North-West. In typological terms, in addition to the “popularity” of the ‘turn’ > ‘drill’ model, presented, for example, in Russian and Turkic languages, attention is also drawn to the possibility of a similar development of the meanings of the derivatives of the Baltic-Finnish (*püör-*) and Turkic (*bur(a)-*) word families with rotation semantics. In particular, for both word families, one can assume the relevance of the semantics of ‘drill bit’, ‘cylindrical birch bark container’, ‘tube (tube-shaped object)’. In this connection the Russian language has lexemes which, due to the revealed semantic relations, can be interpreted as Baltic-Finnish and Turkic borrowings that are ascribed to the corresponding word families: *pyorka* ‘drill bit’, *porochka* ‘cylindrical birch bark container’, *pyorko* ‘spinning wheel pin’ (< Baltic-Finnish languages); *burav* ‘drill bit’, *buravok* ‘cylindrical birch bark container’ and, probably, *burak* ‘cylindrical birch bark container; a kind of paper tube, etc.’ (<Turkic languages), despite the absence in some cases of direct (or indisputable) correspondences in the alleged foreign-language word families. As a result, the etymological analysis of a single lexeme “works” on the method of group reconstruction and vice versa.

Keywords: Russian language, etymology, Finno-Ugric languages, Turkic languages, language contacts

Acknowledgments: The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

For citation: Mishchenko, O.V. (2023) On the etymology of the Russian *pyorka* ‘drill bit’. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 67–83. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/4

В русском языке известен профессиональный – столярный и плотницкий – термин *нёрка*. «Словарь русского языка» формулирует значение этого слова следующим образом: ‘сверло, вставляемое в коловорот’ [1. Т. III. С. 110]. Вероятно, имеется в виду обычный ручной коловорот с «коленом».

Также по ряду причин (наличие фонетических, морфологических, словообразовательных особенностей, нюансов лексического значения и др.) это слово – в том или ином варианте – попало в записи диалектной речи. Обнаруживается оно в источниках, связанных с русскими говорами Северо-Запада. Его фиксации относятся к Карелии, Новгородской и Архангельской областям и к западу Вологодской¹: терск., карельск. *нёрка*, *нёрок*¹

¹ Круг имеющихся диалектных данных, к сожалению, очень ограничен, поэтому мы позволим себе привести их полностью, включая все более или менее показательные контексты, чтобы представить материал и последующий его анализ максимально эксплицитно.

'род сверла', ср.: «*Это коловорот, а его сверло пёркой называется*», «*Пёркой сверлишь*», «*Пёрком отверстия вертят, пёрки требуются разные*» [2. Вып. 4. С. 479]; новг. *пёрка* 'дрель': «*Если бы пёркой да коловоротом, дак быстрой*» [3. С. 811]; арх. *пёрочка* 'сверло для работ по дереву' (Шенк) [4. Вып. 26. С. 287]; *пёрка* 'острый конец коловорота' (Он): «*Перку сначала поставишь, она вертится*», *пёрка* 'сверло; разновидность сверла' (Вин, В-Т): «*У мужа много пёрок было, все разного размера*», «*Напарья² – большое сверло, а тут пёркой сверлят и вицы из вереса продёргивают*» [7]; олон. 'сверло, буравчик' (Петр) [8. С. 80]; влг. *пёрка* 'тонкое долотце у коловорота для сверления дыр' (Влгд) [9. С. 357], 'винт-сверло на коловороте' (Баб) [7].

Кроме того, слово фиксируется в словаре Даля – без географических помет. Видимо, имеется в виду, что это широко известный термин. Даль объясняет, что любое сверло может называться словом *перо*, однако если сверло тонкое и в форме трубочки, дудки, то используется обозначение *перко*, *пёрочка*, *пёрка*, *пёрко*, *пёрышко*. Вместе с тем далее автор указывает, что этими же словами (*пёрка*, *пёрышко* и т.д.) может называться не только трубчатое сверло, но и любой вид сверла вообще. (Имеется в виду, что помимо трубчатых сверл бывают сверла и другой формы, например винтообразные, расширяющиеся внизу наподобие лопаточки, с улиткой на конце и пр.) Ср.: «*Перо напарья – самое сверло, вставной резец; если оно дудкою, то перко или пёрочка*» [5. Т. III. С. 101]; и далее: «*пёрка* 'тонкое долотичко трубочкой, полутрубкой (видимо, в виде желоба. – О.М.), для сверленья дыр; вообще сверла разного вида, вставляемые в напарья, коловороты, дрели и пр.'; также *пёрко*, *пёрышко*» [5. Т. III. С. 102].

Если соотнести друг с другом все приведенные выше данные, то получается следующая картина. Во-первых, есть два варианта понимания, сверло какого типа обозначается словом *пёрка*:

1) *пёрка* – это сверло в виде трубки или полутрубки (желобком). Как уже говорилось, такое понимание представлено у Даля. Подобный вид сверла является технологически наиболее простым, а значит, и наиболее древним. Остальные типы сверл (винтообразные, с улиткой, с расширением на конце и пр.) появились позже и по отношению к трубчатому они представляют собой более технологичные варианты³.

¹ В этом конкретном случае, скорей всего, неверно восстановлена начальная форма: должно быть *пёрко*, т.е. средний, а не мужской род. Ср. формы в контексте и приведенный далее материал. (Особо отметим, что в третьем по счету контексте, по-видимому, объединены формы среднего (*пёрком*) и женского (*пёрки*) рода.)

² *Напарья*, *напарье* или *напарей*, наряду с *буравом*, *буравчиком*, – это вид ручного сверла. Оба они – бурав и напарей – представляют собой металлический стержень-сверло, в своей верхней части загнутый петлей. В эту петлю вставляется небольшая деревянная колодочка, играющая роль ручки при вращении сверла. Отличие между ними обычно состоит в размере: напарей больше; кроме того, они могут различаться и формой сверла. По-видимому, на разных территориях характер различий может варьировать. См., напр.: [5. Т. I. С. 142; Т. II. С. 447; 6. Т. V. С. 4–5].

³ Об усложнении технологии см., например, [6. Т. XXXI^A. С. 694].

2) *пёрка* – это сверло вообще, сверло любого вида, что также особо подчеркивается у Даля.

В приведенном выше диалектном материале в основном нет указаний на дифференцирующие особенности *пёрки* как вида сверла, за исключением зафиксированной в [7] дефиниции ‘винт-сверло на коловороте’. Все это в целом вполне согласуется с трактовкой Даля или, во всяком случае, не противоречит ей.

Во-вторых, следует отметить, что Даль и диалектные источники «корректируют» представленную в [1] информацию, указывая, что *пёрка* – это не только сверло ручного коловорота с коленом, но сверло любого инструмента: напарья, бурава, буравчика, – предназначенного для продельвания отверстий (но, видимо, только ручным способом). Более того, по диалектному материалу видно, что *пёркой* может называться не только (и, возможно, не столько) само сверло как составная часть такого инструмента, но и весь инструмент в целом: ср. приведенные выше дефиниции для лексемы *пёрка* у Куликовского [8] (‘буравчик’) и в [3] (‘дрель’, видимо, ручная). Ср. также контекст из [7], где *пёрка* противопоставляется *напарье*: «*Напарья – большое сверло, а тут пёркой сверлят...*». Такое противопоставление, скорее всего, предполагает взгляд на *пёрку* именно как на инструмент в целом. Вообще говоря, когда мы имеем дело с ручным сверлом, наверное, в принципе сложно провести четкую границу между собственно рабочей частью инструмента (металлическим стержнем) и всем инструментом целиком, поскольку «первичной», базовой, центральной частью инструмента в ручном сверле выступает именно металлический стержень. Ведь превращение стержня в цельный инструмент состоит в том, что к стержню прикрепляется ручка, в результате чего «просто сверло» становится «сверлом с ручкой», в отличие, скажем, от электродрели, где сверло вставляется в более массивную часть и осмысливается как необходимый, но все же дополняющий «базовую» часть элемент. На характерную для ручного сверла синкретичность восприятия рабочей части инструмента и всего инструмента в целом указывает и само это выражение – *ручное сверло*. (Данные выводы важны для дальнейшего этимологического анализа.)

В словаре Брокгауза–Ефрона, который отражает не диалектную, а профессиональную и уже более современную в технологическом отношении специфику бытования этого термина, *пёрка* выступает как синоним сверла вообще. При этом, скорее, имеется в виду именно сам стержень, который может вставляться в дрели разного типа. (Т.е. тут дефиниция сближается с представленной в [1].) Указывается, что бывают различные виды *пёрок*, среди которых есть и *пёрка* в виде трубки [6. Т. XXIX. С. 100–102; Т. XXXI^A. С. 694].

Завершая представление материала, отметим еще одно обстоятельство: судя по различным техническим сайтам, в настоящее время слово *пёрка* иногда используется в качестве разговорного сленгового (связанного с профессиональной столярной сферой) аналога для номенклатурного выражения *перьевого (перовое) сверло*. Это особый вид сверла, рабочая часть которого имеет расширение в виде лопатки (с острым шипом по центру и двумя

резцами по краям); сверло такого типа предназначено для высверливания отверстий большого диаметра. Слово пёрка этом в значении, скорее всего, представляет собой позднее, вторичное образование, что и станет понятно из дальнейшего изложения.

Итак, пёрка – это сверло, в том числе ручное сверло типа буравчика или напарья.

Рассмотрим имеющиеся этимологические версии. Насколько нам известно, существует три варианта этимологической интерпретации этого слова – В.И. Даля, М. Фасмера и С.А. Мызникова.

Версия Даля. В своем словаре Даль помещает лексему пёрка – наряду с остальными сходными обозначениями сверла (*перо*, *пёрышко*, *пёрко* и пр.) – в статью на слово *перо* (птичье перо) и тем самым предлагает этимологическое решение. Попробуем его осмыслить.

В семантическом отношении это решение безупречно. Если проанализировать семантические дериваты рус. *перо* 'птичье перо', обнаруживается три основных вектора развития вторичных значений:

1) на базе представлений о форме пера с акцентом на его расширяющейся части, «опахале». Такое видение лежит в основе дериватов типа *перо* 'широкая, плоская часть, лопасть у различных приспособлений и инструментов (весла, лопаты и т. д.)', 'часть прялки, к которой прикрепляется пряжа', 'расширенная часть рукоятки косы', *перья* 'колосья, метелки овса' и т.п. [4. Вып. 26. С. 286–287];

2) на базе представлений о форме пера, но с акцентом на его длинном, узком стержне. Так, словом *перо* называют разного рода палки, планки, стержни (они могут характеризоваться также наличием лопасти или какого-то ее подобия, но, видимо, это необязательно), ср.: *перо* 'стержень, срединное ребро лопасти' [5. Т. III. С. 101], 'длинное боковое весло на плоскодонном судне', 'железная планка плуга, к которой привинчивается лемех', 'приспособление для битья шерсти – палочка, которой натягивают струну', 'отдельное сочленение стебля злаковых растений', *перья* 'крестовина мотовила для пряжи' и т.п. [4. Вып. 26. С. 286–287];

3) еще одно направление семантического развития связано с обозначением предметов с острым, колющим, режущим краем, ср.: *перья* 'продолговатые и заостренные листья травянистого растения' [3. С. 811], *перо* 'стреловидный лист лука, чеснока' [1. Т. III. С. 111], 'выпущенный наружу кончик платка, косынки, повязанных особым образом', 'железный наконечник стрелы', 'конец лапы якоря', 'режущая часть лезвия какого-либо орудия', 'нож плуга, сохи' [4. Вып. 26. С. 286], 'железко копья' [5. Т. III. С. 101], жарг. *перо* 'нож' [10. С. 430]. Добавим, что для ряда дериватов третьей группы характерно сочетание представлений об острым и колющем крае с представлениями о длинной, вытянутой форме (т.е. с той семантикой, которая была отмечена выше для второй группы). Какова логика появления семантики острого, колющего? Скорее всего, развитие таких значений имеет комплексную основу. Вероятно, оно связано с представлениями о том, что «опахало» пера может сужаться в своей верхней части, вплоть до образования острого кон-

чика; точно так же к вершине сужается и сам стержень пера. По-видимому, в каких-то случаях имеет значение и факт очень тонких боковых краев «опала», схожих с заточенными лезвиями¹. Не исключено, что определенную роль в развитии обсуждаемой семантики сыграли также знания и опыт, связанные с очинкой перьев при использовании их в качестве орудия письма: как известно, в результате этой процедуры у стержня пера образуется очень острый кончик.

В свете всего сказанного вполне мотивированным выглядит отмеченное у Даля и уже приводившееся выше *перо* (не *пёрка*!) ‘самое сверло, вставной резец’² [5. Т. III, С. 101], *перó* ‘режущая часть сверла для обработки дерева’ [4. Вып. 26. С. 287], поскольку сверло как раз и представляет собой металлический стержень (т. е. предмет вытянутой формы) с заостренным – так или иначе – концом. С этой семантической линией связано и рус. *перити* ‘снабжать резцом (сверло)’ [11. Вып. 14. С. 307].

Что же касается интересующей нас лексики *пёрка* (не *перо*) ‘сверло’, которую Даль считает дериватом рус. *перо*, то при всей безупречности семантической стороны такого решения все же остается не совсем ясной логика словообразовательных отношений между формами *перо* и *пёрка* (*пёрко*). Как при такой этимологической версии можно трактовать дериваты с суффиксом *-к-*?

Есть две возможности: 1) как диминутивные образования; 2) суффикс *к* не вносит в слово никакого особого значения, а является маркером разговорного стиля речи (ср.: *печь* – *печка*, *книга* – *книжка* и т.п.). Оценим эти возможности.

1. Кажется, что нет каких-то особых семантических причин для появления диминутивных форм: из представленных выше значений слова *пёрка* (*пёрко*), вообще говоря, не следует, что это какое-то маленькое сверло по сравнению с большим. Исключение составляет единственный контекст из [7], в котором *напарья* как большое сверло противопоставляется *пёрке* (см. выше). Вряд ли этот контекст на фоне всех остальных фактов можно считать показательным. Скорее, он является следствием того, уже отмеченного выше, обстоятельства, что представления о *напарье* и *пёрке* могли несколько различаться, в том числе территориально³. Пожалуй, единственная причина появления диминутивных форм, которую в данном случае

¹ Значимость всех составляющих этого комплекса, а также взаимосвязь семантики острого края и вытянутой в длину формы явственно прослеживается, например, в рус. *перо* ‘хребтинка, срединный обух двулезаго оружия, кинжала, палаша’ [5. Т. III. С. 101].)

² Режущая часть, или резец, – это нижняя часть любого сверла; благодаря ей происходит разрезание волокон древесины. Именно режущая часть является действующей, сверлящей, и именно она может иметь разные формы – трубчатую, ложечную (полутрубчатую), винтовую и др.

³ На всякий случай добавим, что факт использования у Дилакторского и Даля в дефинициях к слову *пёрка* диминутивов *долотце*, *долотичко* (см. выше) также не является показательным, поскольку предполагает сравнение *пёрки* не с каким-то другим сверлом, а с обычного размера долотом. Имеется в виду, что *пёрка*, будучи сверлом трубчатого типа, похожа на долото, но меньше его по размеру.

можно усмотреть, – это тот факт, что у трубчатого сверла, по сравнению со всеми остальными, самый тоненький кончик (на что указывает, в частности, дефиниция Даля – см. выше). Однако поскольку остальные размеры трубчатого сверла, по-видимому, ничем принципиально не отличаются от размеров других сверл, можно усомниться в том, что характер резца сыграл столь ключевую роль в процессе диминутивизации.

2. Для обеих словообразовательных возможностей остается непонятным, почему слово *перо* в значении 'сверло' практически исчезло из употребления, а суффиксальное производное (*нёрка*) в этом значении – осталось. Так, лексема *перо* 'сверло' почти не встречалась нам (за некоторыми исключениями, представленными выше) в тех диалектных источниках, где была обнаружена лексема *нёрка*. Нет ее и в энциклопедии Брокгауза–Ефрона, в то время как *нёрка* присутствует там в качестве стандартного обозначения сверла [6. Т. XXIX. С. 100–102; Т. XXXI^A. С. 694].

Насколько можно судить по данным различных сайтов технической тематики, в настоящее время слово *перо* для обозначения сверла (сверла вообще) используется лишь иногда и как элемент профессионального сленга. Имеется, правда, уже упоминавшееся ранее широко распространенное в столлярной сфере номенклатурное выражение *перовое (перьеовое) сверло*. Однако, как уже говорилось, это обозначение применимо лишь к сверлам с лопатообразной формой резца, что указывает на совершенно иной характер мотивации – не в связи с вытянутой, заостренной формой, как для обозначения сверла вообще, а в связи с наличием расширения (дериваты такого типа выше рассматривались нами отдельно – в первой группе). Таким образом, если и усматривать в выражении *перовое (перьеовое) сверло* следы былого существования термина *перо* 'сверло', то лишь с учетом ремотивации последнего.

Иными словами, рус. *перо* 'сверло' с изначальной мотивацией, отводящей к вытянутой и заостренной форме, практически исчезло, в то время как рус. *нёрка (нёрко)* 'сверло' – предполагаемое производное с той же самой мотивацией – сохранилось. И такое положение дел имеет место несмотря на то, что деривационные отношения в паре *перо – нёрка (нёрко)* ничем особенно не затемняются и нет каких-либо причин для утраты словообразовательных связей.

3. Станным кажется и тот факт, что основной вариант производной лексемой представлен формой женского рода (*нёрка*), в то время как производящее слово имеет средний род (*перо*). Как известно, для русского языка при диминутивном словообразовании характерно наследование производной лексемой рода производящей (см.: [12. С. 151; 13. С. 205–213]). Подчеркнем, что такое положение дел имеет место в отношении всех диминутивных суффиксов литературного языка [13. С. 205–213], в том числе и в случае интересующего нас аффикса *-к* [13. С. 207]. Вместе с тем следует, конечно, иметь в виду диалектную специфику обсуждаемого материала, которая может проявляться в том числе и в своеобразии протекания в диалектах словообразовательных процессов по сравнению с литературным идиомом. Однако даже в этом случае при наличии производных двух типов, т.е. среднего (*нёрко*) и женского (*нёрка*) рода, в качестве основного варианта диминутива следовало, скорее,

ожидать форму среднего рода – как соответствующую по роду производящему (*перо*), а форму женского рода – в качестве дополнительного. Между тем ситуация обратная. Отметим при этом, что ни у каких других лексико-семантических вариантов слова *перо* диминутивных (или подобных им) производных женского рода не обнаружено.

Обратимся к другой возможной интерпретации характера словообразовательного процесса, связанной не с диминутивизацией, а со стилистической модификацией производящего слова. Согласно «Грамматике», в случае, если эта модификация осуществляется при помощи суффикса *-к-* (*-шк-*), для неодушевленных существительных любой родовой принадлежности характерно образование производных женского рода [13. С. 213–214]; иными словами, для производящих мужского и среднего рода в результате такого словообразовательного процесса как раз и будет наблюдаться мена рода на женский, ср.: *щепень – щепенка, браслет – браслетка*, аналогично *картонка, самогонка, жакетка, планшетка, жилетка, мотоциклетка, трафаретка, табуретка; колено – коленка* [13. С. 213–214]. Чтобы увеличить в этом ряду количество исконных примеров, добавим также пару *рассказ – рассказка*.

Вместе с тем при, казалось бы, найденном объяснении интересующих нас словообразовательных связей всё же для случая *перо – пёрка* возникает ощущение, что предполагаемая словообразовательная пара почему-то не вписывается в приведенный выше ряд примеров. Попытаемся понять возможную причину этого.

Обращает на себя внимание, что во всех приведенных выше примерах, реализующих обозначенную словообразовательную модель с использованием варианта суффикса *-к-*, основы производящих слов длиннее, чем у слова *перо*: они, как минимум, двусложны и имеют больший состав фонем.

По примерам, приведенным в «Грамматике», видно, что есть случаи образования производных и от более или менее кратких – в плане фонемного состава – основ. Однако словообразовательная модель в этом случае реализуется при помощи варианта суффикса *-шк¹-*, ср.: *тире – тирешка, кино – киношка* [13. С. 214], *безе – безешка, кафе – кафешка*. Кроме того, в представленных случаях основы производящих слов хоть и короче, но тоже являются двусложными – с гласным в финали (чем, по мнению «Грамматики», и определяется выбор варианта суффикса [13. С. 214]) – в силу неизменяемого характера производящих².

¹ Вариант суффикса *-к-* при краткой основе (с меной рода при словообразовательном процессе) обнаружился нами только в паре *кепи – кепка* (см.: [13. С. 214]). Однако думать, что исторически здесь мы имеем дело не с реализацией обсуждаемой словообразовательной модели как таковой, а с разными вариантами адаптации заимствования: единицы в паре *кепи – кепка* ощущаются как достаточно самостоятельные, независимые друг от друга, и, по всей видимости, этимологически таковыми и являются.

² Из приведенных примеров иначе можно интерпретировать только *киношка, кинушка*, предполагая просторечную возможность склонения существительного *кино* и использование аффикса, начинающегося с гласного (*-ошк-* / *-ушк-*). Ср. в этом плане также: *пальто – пальтушка*.

В целом создается впечатление, что для рассматриваемой модели – т.е. модели, связанной со стилистической модификацией производящего слова – при мене рода производного по сравнению с производящим нехарактерно образование единиц от кратких (односложных, с небольшим фонемным составом) основ, так как в этом случае у фонемной последовательности производного слова значительно снижается способность выполнять смысловоразличительную функцию. Этот механизм, по-видимому, можно представить следующим образом. В случае производящих мужского рода (типа *жилет* – *жилетка*), а также в случае производящих с наиболее краткими основами (т.е. неизменяемых заимствований среднего рода, оформляющихся суффиксом *-ик-*) фактически всё производящее оказывается «защитым» в производное, что и позволяет производному «считываться», быть узнаваемым; по крайней мере в начале «самостоятельной жизни» производного это обстоятельство является важным, так как позволяет понять, что именно говорящий подвергает стилистической модификации. При производящем среднего рода (типа *колени* – *коленка*) в производном закрепляется не все производящее, а только его основа. И именно по ней происходит узнавание семантики производного.

Всё это означает, что чем длиннее фонемная последовательность производящего, тем более однозначным будет понимание того, какое именно существительное оказалось «защитым» в производное, получило таким образом стилистическую модификацию. Причем, похоже, это важно при мене любого рода – как среднего, так и мужского¹.

Факт актуальности длины фонемной последовательности при стилистической модификации существительного объясняется, надо полагать, именно особенностями самой этой словообразовательной модели, в рамках которой у производного слова, по сравнению с производящим, не меняется ни частеречная принадлежность, ни лексическая семантика. Ср. в этом отношении случаи, когда словообразовательная модель сопровождается частеречной модификацией и / или наличием у аффикса более явной словообразовательной семантики, для которых, как кажется, факт длины основы не является значимым. Надо полагать, такие характеристики словообразовательной модели, как определенная частеречная модификация и / или стоящая за аффиксом более конкретная семантика, – это своеобразные «вешки» для сознания, позволяющие правильно интерпретировать результат словообразовательного процесса.

Именно отсутствие таких «вешек» и создает дополнительные сложности в случае стилистической модификации. И, по-видимому, эти сложности особенно ощутимы именно при смене рода, так как сам по себе род в данном

¹ Любопытно, что при производящих женского рода наличие кратких основ – вполне нормальное явление, ср.: *печка*, *свечка*, *дырка* [13. С. 214], *дочка*, *ночка* и пр. Этот факт, по-видимому, связан с сохранением родовой принадлежности производящего по сравнению с производным: такое сохранение облегчает понимание модифицированной лексики, так как упрощает осознание производного через производящее.

случае – это тоже своеобразная «вешка», формирующая (при отсутствии мены) отсылку сознания к производящему, что необходимо для правильной интерпретации производного. При наличии же мены такая отсылка «теряется». В итоге всю нагрузку по интерпретации производного приходится «брать на себя» фонемной последовательности, составляющей основу производящего слова и в то же самое время «защитой» в производное¹.

Итак, факт мены рода у производного (*нёрка*) по сравнению с производящим (*перо*) остается сомнительным при любой возможной интерпретации словообразовательного процесса.

4. В завершение разбора сложностей, связанных с логикой словообразовательных отношений между *перо* и *нёрка* (*нёрко*), отметим еще и такой нюанс: создается впечатление, что при любой (не только диминутивной) природе суффикса нет каких-то особых причин для появления суффиксальных номинаций именно по отношению к сверлам трубчатого типа; непонятно, почему именно они были выделены из всех остальных.

Подводя итог всем высказанным сомнениям, можно, конечно, согласиться с мыслью, что в языке бывают всякие сюрпризы. Но вместе с тем, пожалуй, нельзя не признать, что все эти словообразовательные сложности и несогласованности наилучшим образом устраняются, если предположить, что между словами *перо* и *нёрка* нет словообразовательных отношений. Иными словами, очень вероятно, на наш взгляд, что *нёрка* и *перо* – это два самостоятельных обозначения сверла, которые этимологически могут быть вообще никак не связаны друг с другом.

Такую позицию как раз демонстрирует вторая этимологическая версия – **версия Фасмера**: М. Фасмер возводит рус. *нёрка* к глаголу *переть* [14. Т. III. С. 242]. В отличие от версии Даля, версия Фасмера, наоборот, демонстрирует безупречность в структурно-словообразовательном отношении, однако в плане семантики она кажется менее убедительной. Такая трактовка предполагает, что в номинации получило отражение побочное (а не основное) действие, связанное с использованием обозначаемого инструмента. Целью использования сверла является проделывание отверстий, что достигается очень определенной технологией процесса (верчением). «Напирание» же, т.е. налегание, прикладывание усилий по направлению вперед, представляет собой по отношению к основной технологии необходимый, но всё-таки дополнительный момент, «фоновое» обстоятельство. При этом можно обратить внимание, что такое «фоновое» действие, по сути, сопровождается применением практически любого старого инструмента – пилы, топора, долота, лопаты и пр.

¹ Вообще говоря, наверное, неслучайно, что в мире есть языковые системы, к которым относится в том числе и русский язык, характеризующиеся сохранением рода в рамках, например, такой словообразовательной модели, как диминутивизация. Можно предполагать, что постоянство рода и в данном случае точно так же является дополнительным маркером, позволяющим сознанию правильно интерпретировать производные – через обращение к производящему.

Таким образом, характер номинации в рамках версии Фасмера оказывается очень общим, лишенным семантической дифференциации в отношении номинируемого инструмента (по сравнению с другими); и при этом он (характер номинации) оказывается еще и связанным с периферийным, а не основным, технологическим аспектом, которому в номинативном отношении удалось «затмить» собою основной, несмотря на отмеченное выше отсутствие дифференциации. Всё это кажется несколько странным, хотя и не невозможным.

Версия С.А. Мызникова. С.А. Мызников предполагает, что рус. *пёрка* может быть результатом переразложения от рус. *напарье* 'бурав' [15. С. 597], которое, в свою очередь, восходит к нем. диал. *narper, nepper* 'сверло' [14. Т. III. С. 42; 15. С. 521]. Нельзя не признать, что эта версия также не лишена трудностей – фонетического характера (если предполагать, что переразложению подверглось непосредственно русское заимствование) или структурного (если предполагать, что переразложению подвергся сам этимон в процессе заимствования). В последнем случае (при переразложении этимона) трудности связаны с отсутствием среди русских лексем промежуточных структурных вариантов между рус. *напарье* (*напарей*) и рус. *пёрка*, которые бы играли роль связующего звена между столь разными формами и тем самым подтверждали бы высказанное предположение¹.

С учетом всех имеющихся проблем можно предложить еще одну версию происхождения рус. *пёрка*. Эта версия предполагает заимствованный характер лексемы и связывает ее с прибалтийско-финским гнездом, в основе которого лежит семантика вращения. Приведем гнездо достаточно подробно, чтобы была понятна логика его семантической организации: фин. *pyörä* 'колесо (напр., повозки, прялки); вращающаяся задвижка двери, щеколда; вихор в волосах', *pyörö* 'круглый, вертящийся; кружок, колечко', *pyöry* 'круг', *pyörylä* 'круг, кружок, колечко', *pyörykkä* 'шарик, кружочек', *pyöreä* 'круглый, обтекаемый', *pyöriä* 'вертеться, крутиться, вращаться, кружиться; катиться', *pyörittää* 'крутить, вертеть, вращать; катать, катить', *pyöriäinen* 'вихрь; вихор в волосах', *pyörtää* 'огибать, окружать, кружить, вращать, скручивать, согнуть', *pyörtämä* 'водоворот', *pyörtävä* 'то же; вихор в волосах', *pyörre* 'завихрение, закручивание (напр., воды, ветра, волос)'; карел.-ливв. *püörä* 'колесо (напр., повозки), вихор в волосах, щеколда', *püörö* 'обруч, бандаж', *püöröi* 'колесо, диск, шайба; щеколда двери; круглый пирог', *püörükäini* 'круглая рама, коробка; обод; круглый сруб, каркас; волчок, юла; вихор в волосах', *püöritteä* 'крутить, вертеть, вращать, катать', *püörteä* 'делать круглым', *püörtöä* 'срезать кору с комля дерева, чтобы оно засохло'; люд. *püörü* 'щеколда', *püörülaine*, *püöräk* '(четырёхсторонний) инструмент азартной игры (видимо, рулетка. – О.М.)', *püörähäin*, *püöräkkö* 'вертушка, флюгер', *püörüs* 'круглый'; вепс. *pörö* 'ви-

¹ Речь идет о таких, например, вариантах, как **пер* (*пёр*) или **наперка* (*напёрка*), однако, повторяясь, они не зафиксированы.

хор волос', *põruda, peruda* 'вертеться, крутиться', *põrjāne* 'вертушка' и др.; вод. *põrä* 'колесо; круглый оселок', *põr* 'точило', *põrittä* 'вертеться, крутиться', *põrittä* 'вертеть, крутить, вращать' и др.; эст. *põör* 'шеколда двери; колесо; рулон, свиток, катушка, бобина, диск', 'отворот, загиб', *põõruda* 'поворачиваться', *põõrda* 'возвращаться, поворачивать; гнуть, сгибать; поворачиваться; гнуться, сгибаться, загибаться', *põõre* 'отворот, загиб; поворот', *põrus* 'мутовка', *põõrus* 'гнутье, загибание, вращение' и др.; лив. *piērā, pūõrā* : *p. lā'dā* 'крутить, вращать', *piēr* 'карусель', **pēõr* 'крутить, вращать; гнуть, сгибать, загибать, поворачивать' [16. С. 677–679; 17. 2. С. 454–455].

В плане семантики логика связи рус. *нёрка* с рассматриваемым гнездом очевидна, так как работа сверла представляет собой именно вращение, причем этот факт должен особенно хорошо осознаваться в том случае, если сверло ручное, поскольку именно рука человека и совершает эти вращательные движения. В структурном отношении также не возникает сложностей: вычленимый в русской лексеме аффикс может иметь как собственно русское, так и прибалтийско-финское происхождение. Ср. прибалтийско-финские суффиксы существительных: отглагольные *-kki, -e(k)* [18. С. 68, 67] и отыменные *-kka/kkä, -kko/kkö* [18. С. 64]. (Можно обратить внимание, что в приведенном выше гнезде имеются дериваты с такой структурной организацией: см. фин. *pyörykkä* 'шарик, кружочек', люд. *püöräkkö* 'вертушка, флюгер'.)

Есть и еще ряд фактов, которые наводят на мысль о возможной связи рус. *нёрка* с приведенным прибалтийско-финским гнездом.

1. Во-первых, это география диалектных данных. Как видно из приведенного в начале статьи материала, диалектные данные преимущественно имеют отношение к русским говорам Северо-Запада, т.е. как раз к зоне контакта русского и прибалтийско-финского населения. Вместе с тем этот аргумент всё же нельзя признать очень надежным. Возможно, фиксация интересующего нас термина именно северными источниками обусловлена лишь более полным сбором диалектного материала на Севере по сравнению с остальными территориями России. Но если всё же данные о диалектном бытовании лексемы имеют под собой реальные основания, это может означать, что процесс заимствования лексемы прошел на территории Северо-Запада, а уже затем она распространилась шире – в качестве профессионального термина (что, как известно, совершенно естественно для ремесленной терминологии).

2. Кроме того, версия хорошо поддерживается в типологическом отношении. Ср. прежде всего рус. *бурав, буравчик* 'сверло', восходящее в конечном счете к тюрк. *bur(a)*- 'крутить, вращать, скручивать и т.п.' [14. Т. I. С. 243; 19. Вып. 5. С. 143–144; 20. С. 267]. Ср. также рус. *вертеть, навёртывать* 'сверлить, буравить', *наверток, навертыш* 'буравчик' [5. Т. I. С. 182; Т. II. С. 384–385], а также рус. *колоторот*.

3. Есть и еще один поворот типологического аспекта, помимо обозначенного выше. По всей видимости, рассматриваемое прибалтийско-

финское гнездо получило отражение и в других русских лексемах, также бытующих в русских говорах Северо-Запада. Это, например, пск. *пёруша*, *пёрыша* 'вертикально стоящий на берегу, в лодке и т.д. ворот (для поднятия паруса, тяги невода)', и, возможно, пск., твер. *пёрко* 'цевка прялки' [4. Вып. 26. С. 283], а также, по-видимому, наиболее интересующее нас сейчас рус. *порка*, *порочка*, которое имеет два основных значения – 'туес (берестяной цилиндр для жидких и сыпучих продуктов)' [2. Вып. 5. С. 84; 7] и 'катушка, на которую наматывают спряденную нить' [3. С. 912; 4. Вып. 30. С. 85]. (Версия происхождения этих слов в связи с рассматриваемым прибалтийско-финским гнездом изложена в [21].) Остановимся кратко на семантическом аспекте сопоставления рус. *порка*, *порочка* с интересующим нас прибалтийско-финским материалом, т.е. на том, как семантика туеса и катушки связаны с идеей верчения. Туес имеет цилиндрическую (т.е. связанную с окружностью) форму, он изготавливается путем сворачивания, скручивания в трубку куска бересты. Катушка имеет точно такую же технологию изготовления; по сути, она и представляет собой туес, только без дна и крышки (это труба с крестовиной вместо дна). Кроме того, функция катушки напрямую связана с вращением: именно таким образом на нее наматывается нить. Можно обратить внимание, что вся эта семантика так или иначе получает отражение в обсуждаемом прибалтийско-финском гнезде, ср. следующие значения дериватов гнезда: 'скручивать, сгибать, загибать', 'круглая рама, коробка, обод', 'рулон, свиток, катушка', 'крутить, вертеть, вращать', 'крутиться, вертеться, вращаться' и т.п. Иными словами, денотативная семантика реалий (катушки и туеса) безусловно позволяет связывать рус. *порка*, *порочка* с рассматриваемым гнездом¹. Таким образом, имеется пара слов: *пёрка* 'сверло' и *порочка* (*порка*) 'туес' – предположительно, восходящих к одному и тому же прибалтийско-финскому гнезду.

Аналогичную семантическую параллель можно предположить и для тюркского источника рус. *бурав*. Прежде всего, ср. в этом плане ряз., тамб. *буравок* 'кузовок, лукошко, бурак' (*бурак* – то же самое, что *туес*, т.е. берестяной цилиндрический сосуд с крышкой для хранения и переноски жидких и сыпучих продуктов'. – *О.М.*); ряз. *буровок*, *боровок* 'берестяной бурак, бурачок, туес; кузовок, котомка, гнутая либо плетеная' [4. Вып. 3. С. 279, 296; 5. Т. I. С. 144], для которых, на наш взгляд, с учетом рассмотренных выше семантических отношений очень вероятен тюркский источник, связанный с тем же гнездом, что и рус. *бурав* 'сверло' (т.е. с тюрк. *bur(a)*- 'вертеть')².

Кроме того, выявленные семантические отношения позволяют предполагать аналогичное, т.е. в связи с гнездом *bur(a)*- 'вертеть', происхождение и для рус. (олон., арх., влг., новг., влад., яросл., симб., пенз., ряз., вят, урал., сиб.) *бурак* 'сосуд из бересты цилиндрической или округлой формы для

¹ Фонетический аспект сопоставления подробно рассмотрен в [21].

² Иначе см.: [19. Вып. 5. С. 144] – рус. *буравок* и пр. рассматриваются как результат контаминации *бурак* 'сосуд из бересты' и *кузов*, *кузовок*.

хранения или переноски чего-либо [4. Вып. 3. С. 280]; во всяком случае, формальных препятствий для этого нет¹. Этот вопрос, однако, нуждается в отдельной – более детальной – проработке.

Таким образом, выявившиеся параллели: *пёрка* ‘сверло’ – *порочка* ‘туес’; *бурав* ‘сверло’ – *буравок* (и, очень вероятно, *бурак*) ‘туес’, – демонстрируют типологическое сходство в развитии семантики финно-угорских и тюркских языков и позволяют предполагать, что за этими параллелями стоят определенные особенности семантической организации языков, связанные с реализацией семантики вращения, а именно: в гнезде, где получила отражение семантика сверла, вполне естественно появление семантики туеса, и наоборот.

4. Предложенная этимологическая версия позволяет дать объяснение также и отмеченному у Даля факту приложения слова *пёрка* именно к сверлам трубчатого и полутрубчатого типа. С одной стороны, причина может носить лингвистический характер: для обсуждаемых гнезд с семантикой вращения появление дериватов, обозначающих трубки самого разного рода, кажется вполне естественным – в силу как особенностей формы, так и одной из возможных технологий изготовления трубок – путем скручивания, сворачивания². Ср. в связи с этим, например, такие значения, представленные в рассмотренном прибалтийско-финском гнезде, как ‘рулон’, ‘свиток’; ср. также отмеченное выше рус. (пск., твер.) *пёрко* ‘цевка прялки’³, предположительно также восходящее к интересующему нас прибалтийско-финскому гнезду. В типологическом отношении ср. также рус. *бурак* ‘бумажная трубка, набиваемая горючим составом и хлопушкой (рядом пороха), для потешных огней’ [5. Т. I. С. 142], ‘толстое немнущееся голенище сапога’ [4. Вып. 3. С. 280]. Вместе с тем совсем не обязательно, что связь лексемы *пёрка* со сверлами трубчатого и полутрубчатого типа базируется именно на такой мотивационной основе. Не менее вероятно, что она объясняется чисто экстралингвистически: если наша этимологическая версия верна, то слово *пёрка* должно быть достаточно старым, а это значит, что изначально оно должно было относиться к сверлам, наиболее несовершенным в технологическом отношении, каковыми как раз и являются сверла трубчатого и полутрубчатого типов⁴.

5. Для предлагаемой этимологической версии обнаруживаются и экстралингвистические основания: известно, что для карелов были характерны

¹ На сегодняшний день происхождение рус. *бурак* остается всё же неясным. См., напр.: [19. Вып. 5. С. 146–147] и ссылки там же.

² Понятно, что возникшая таким образом номинация при последующем функционировании может «потерять» этот технологический момент и начать относиться к трубкам любого типа.

³ По сути, цевка – это и есть трубочка, в частности трубочка, свернутая из бересты, которая используется для наматывания нити (т.е. в качестве катушки).

⁴ Не исключено также, что мы имеем тут дело с каким-то древним синкретичным восприятием, которое совмещает в себе собственно лингвистические и экстралингвистические обстоятельства.

развитые традиции железоделательного производства, начало которых связывают еще с эпохой раннего Средневековья [22. С. 227]. А с XVI в. изделия карельских кузнецов получили известность и на российском рынке: «в 16–17 вв. погосты Карелии поставляли железо и железные изделия в Новгород, Тихвин, Ярославль, Ростов, Устюжну-Железнопольскую, Уglich и даже Москву» [22. С. 227].

Географические сведения

Баб – Бабаевский район Вологодской области; Вин – Виноградовский район Архангельской области; Влгд – Вологодский уезд Вологодской губернии; В-Т – Верхнетоемский район Архангельской области; Он – Онежский район Архангельской области; Петр – Петрозаводский уезд Олонецкой губернии; Шенк – Шенкурский район Архангельской области.

Языки и диалекты

арх. – архангельские говоры русского языка; вепс. – вепсский язык; влад. – владимирские говоры русского языка; влг. – вологодские говоры русского языка; вод. – водский язык; вят. – вятские говоры русского языка; карел. – карельский язык; карельск. – русские говоры Карелии; лив. – ливский язык; ливв. – ливвиковские говоры карельского языка; люд. – людиковские говоры карельского языка; нем. – немецкий язык; новг. – новгородские говоры русского языка; олон. – олонечские говоры русского языка; пенз. – пензенские говоры русского языка; пск. – псковские говоры русского языка; рус. – русский язык; ряз. – рязанские говоры русского языка; сиб. – сибирские говоры русского языка; симб. – симбирские говоры русского языка; тамб. – тамбовские говоры русского языка; твер. – тверские говоры русского языка; терск. – терские говоры русского языка; тюрк. – тюркские языки; урал. – уральские говоры русского языка; фин. – финский язык; эст. – эстонский язык; яросл. – ярославские говоры русского языка.

Прочее

жарг. – жаргонное; диал. – диалектное.

Список источников

1. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
2. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* : в 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994–2005.
3. *Новгородский областной словарь* / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2010. 1435 с.
4. *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882 (М. : ТЕРРА, 1994).
6. *Энциклопедический словарь* / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1892. Т. V. 480 с.; 1900. Т. XXIX. 478 с.; 1901. Т. XXXI^A. С. 473–954.
7. *Картотека* Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
8. *Куликовский Г.И.* Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1898. 160 с.
9. *Словарь областного вологодского наречия* : по рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2006. 677 с.

10. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб. : Норинт, 2001. 720 с.
11. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / гл. ред.: С.Г. Бархударов, Ф.П. Филин, Д.И. Шмелев, Г.А. Богатова, В.Б. Крысько. М. : Наука, 1975–. Вып. 1–.
12. Плуменя В.А. Общая морфология: введение в проблематику : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
13. *Русская грамматика.* М. : Наука, 1980. Т. 1. 789 с.
14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
15. *Мызников С.А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. 1064 с.
16. *Toivonen G., Itkonen E., Joki A., Peltola R.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. Helsinki, 1958–1981. 2293 s.
17. *Suomen sanojen alkuperä.* Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556).
18. *Основы финно-угорского языкознания: прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки.* М. : Наука, 1975. 347 с.
19. *Аныкин А.Е.* Русский этимологический словарь. М. : Знак, 2007–. Вып. 1–.
20. *Севертян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М. : Наука, 1978. 349 с.
21. *Мищенко О.В.* Севернорусские этимологии: *порочка, пёрыйш, пёрко* // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 212–226.
22. *Прибалтийско-финские народы России* / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М. : Наука, 2003. 671 с.

References

1. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
2. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Adjacent Areas]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University.
3. Levichkin, A.N. & Myznikov, S.A. (eds) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. Saint Petersburg: Nauka.
4. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965 – cont.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
5. Dal', V.I. (1880–1882) *Tolkovyiy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 2nd ed. Saint Petersburg; Moscow: TERRA.
6. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (eds) (1892, 1900, 1901) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vols 5, 29, 31. Saint Petersburg: Brokgauz–Efron.
7. Kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznaneya i recevoy kommunikatsii UrFU [Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of Ural Federal University]. (n.d.) *Kartoteka Slovarya govorov Russkogo Severa* [Card index of the Dictionary of Dialects of the Russian North]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
8. Kulikovskiy, G.I. (1898) *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Regional Olonets Dialect in its Everyday and Ethnographic Application]. Saint Petersburg: Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk.
9. Levichkin, A.N. & Myznikov, S.A. (eds) (2006) *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya. Po rukopisi P.A. Dilaktorskogo 1902 g.* [Dictionary of the Regional Vologda Dialect. According to the manuscript of P.A. Dilaktorsky 1902]. Saint Petersburg: Nauka.

10. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2001) *Bol'shoy slovar' russkogo zhargona* [Big Dictionary of Russian Jargon]. Saint Petersburg: Norint.
11. Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1975 – cont.) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow: Nauka.
12. Plungyan, V.A. (2003) *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General Morphology: Introduction to the problematics]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
13. Shvedova, N.Yu. et al. (eds) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
14. Vasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.
15. Myznikov, S.A. (2019) *Russkij dialektnyy etimologicheskij slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Vocabulary of Contact Regions]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
16. Toivonen, G. et al. (eds) (1958–1981) *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Vols 1–7. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
17. Itonen, E. & Kulonen, U.-M. (1992–2000) *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. Vols 1–3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia.
18. Lytkin, V.I. et al. (eds) (1975) *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya: Pribaltiysko-finskie, saamskiy i mordovskie yazyki* [Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics: Baltic-Finnish, Sami and Mordovian languages]. Moscow: Nauka.
19. Anikin, A.E. (2007 – cont.) *Russkij etimologicheskij slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow: Znak.
20. Sevortyan, E.V. (1978) *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B"* [Etymological Dictionary of Turkic Languages. General Turkic and inter-Turkic bases starting with the letter "B"]. Moscow: Nauka.
21. Mishchenko, O.V. (2019) Severnorusskie etimologii: porochka, perysh, perko [Northern Russian etymologies: porochka, perysh, perko]. *Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2: Gumanitar. nauki*. 2 (21). pp. 212–226.
22. Klement'ev, E.I. & Shlygina, N.V. (eds) (2003) *Pribaltiysko-finskie narody Rossii* [Baltic-Finnish Peoples of Russia]. Moscow: Nauka.

Информация об авторе:

Мищенко О.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: olgamishchenko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Mishchenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: olgamishchenko@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.08.2022;
одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 07.06.2023.*

*The article was submitted 10.08.2022;
approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 07.06.2023.*